

**ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«ФИЛОСОФСКИЕ СМЫСЛЫ БИОГРАФИИ»
г. Ростов н/Д, 9 апреля 2009 г.**

**Факультет философии и культурологии Южного федерального университета
Кафедра истории философии**

9 апреля 2009 года на факультете философии и культурологии ЮФУ состоялась организованная кафедрой истории философии теоретическая конференция, посвященная различным аспектам философского исследования биографии. Представляем материалы этой конференции.

Р.А. Громов, к.ф.н.

ИЛЛЮЗИИ ФИЛОСОФСКОГО САМОСОЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Э. ГУССЕРЛЯ)

Я полагаю, что философская автобиография служит не только средством философской рефлексии и самообоснования, но часто является важным инструментом *стилизации* философского творчества. Под «стилизацией» я имею в виду распространенное у философов стремление представлять становление своего учения не просто в виде результата случайного стечения обстоятельств, но как продиктованное логикой самих вещей. При этом личной эволюции приписывается скрытая телеология, развитие словно бы диктуется имманентной логикой исследования: сначала задачи исследования, еще туманные для автора, неуклонно направляют его и затем на стадии зрелости они осознаются и осуществляются. В итоге собственные перипетии оказываются следствием неуклонной логики исследования, а само развитие наделяется чертами внутренней закономерности, выводится за границы авторского произвола. Автобиографии, написанные в этом стиле, выражают традиционное стремление философов говорить не от собственного лица, но от лица высшей истины. Наглядный пример этому дают автобиографические самооценки Хайдеггера, видящего за ширмой личной судьбы моменты самораскрытия человечеству бытия. Именно этот образ философского исследования как автономного и предопределенного высшими истинами я считаю иллюзорным философским самосознанием. Хорошую иллюстрацию такого сознания представляют работы Э. Гуссерля. В его самоотчетах мы встречаем картину непрерывного и преемственного развития, он доказывает, что уже в его ранних работах были заложены зерна позднейших идей, следовательно, его развитие подчинялось имманентной логике. Это провоцировало многих исследователей к тому, чтобы искать эту логику, выстраивать логическую связь между ранними и поздними произведениями. В результате философское творчество Гуссерля принимало вид автономного становящегося философского мышления. Это кажется нам иллюзией, поскольку многие изменения в концепции Гуссерля были инициированы внешними обстоятельствами, в частности, критикой в его адрес.

Отталкиваясь от этого тезиса, я хотел бы рассмотреть пример Гуссерля в более широком контексте. Биография впервые становится историко-философской проблемой в связи с формированием «универалистских» моделей истории философии в XIX в. Вторым этапом актуализации биографического метода было, вероятно, распространение в XX в. психоанализа и экзистенциализма. Под «универалистскими» моделями я понимаю концепции, утверждавшие закономерный характер философского развития. Именно для попыток построить закономерную картину истории философии биография, с ее случайностью и неповторимостью, становится существенным препятствием и проблемой. Формирование «универалистских» моделей было связано, прежде всего, с гегелевской историей философии. Гегель отверг «прагматический подход» В.Г. Тенеманна, который, стремясь к целостности исследования, признавал биографию собственным материалом истории философии. Гегель в своей историко-философской концепции отвлекается от фактических обстоятельств возникновения идей и тем самым отказывает биографии в какой-либо подлинной историко-философской значимости. Позднее у гегельянских (И.Э. Эрдманн, К. Фишер, Э. Целлер), неокантианских (В. Виндельбанд, ранний Н. Гартман) историков оценка биографии принципиально не менялась, хотя и утратила гегелевский радикализм. Это объясняется их общим стремлением примирить историческое многообразие философии с ее традиционным притязанием на объективную истинность. История философии должна описываться как этапное и поступательное движение научной мысли, биография же сообщает интересные, но случайные и внешние причины этого развития. Переоценка биографии в XIX в. происходит лишь у Дильтея (что, видимо, связано с его ранним психологизмом). Он определяет ее как «праклетку истории», в которой универсальное сочетается с индивидуальным, она имеет непреходящее значение, поскольку в ней факты исторического мира обретают свое единство.

Возвращаясь к Гуссерлю, можно сказать, что в его типологии философии была заложена возможность синтетического подхода. В статье «Философия как строгая наука» он различает научную и

мировоззренческую философию: первая мотивирована теоретически и нацелена на достижение объективных истин, вторая суть выражение искусства «быть» в определенную эпоху, то есть неразрывно связана с личным опытом. Можно предположить, что биографический метод мог быть признан Гуссерлем в качестве философски релевантного применительно к последнему типу философствования. Феноменологию же Гуссерль обосновывал как начало научного философствования, поэтому его самоописания выполнены в неокантианском духе «истории проблем» и имеют деперсонифицированный характер. Такой подход был следствием того, что сам Гуссерль, как и его наставник Ф. Brentano, представлял научное философствование как форму квазирелигиозного служения. Это служение объективной и вневременной истине. Научная философия играла у них роль своего рода эрзаца религии. По Гуссерлю, научная философия предполагает формирование определенного габитуса ученого, то есть готовности к полному самоотречению, к работе в «чисто теоретической установке», свободной от любых прагматических, сиюминутных мотивов. Именно этим духом самоотречения и служения проникнуты автобиографические описания Гуссерля.